

— Вожусь я как-то вечером в Ладушкине с мотоциклом, заходит в гараж Иванов, насуспенный - не поймёшь, то ли грустный, то ли сердитый. И с портфелем, как в командировку собравшись. Ходит по гаражу, курит сигарету за сигаретой, мается.

— Потом разговорился понемногу. Выяснилось, что он от Марьи своей ушёл. Вот только не может решить - насовсем или так, попугать. До Марьи сплетни какие-то дошли о её муже и Кореньковой, вот она на него и набросилась. Раньше Вадим к этому сравнительно спокойно относился - дура, мол, баба, поорёт и успокоится. А тут заело, взял и ушёл с портфелем, в который сунул бритву, мыло, зубную щётку, в общем, командировочный джентльменский набор. Решил переночевать в гараже, а дальше видно будет.

— Я бы давно от неё ушёл, - признавался мне Вадим. - Глупая она баба. И грубая. Так ведь она мне Тараса не отдаст, а воспитать не сможет, испортит.

— А Коренькова в это время была дома одна - Юра был в командировке, в Горький, кажется, ездил со своей диссертацией. Откуда-то она знала, что Вадим ушёл из дому (в Ладушкине такие новости моментально распространяются, там все обо всём знают), напряглась вся, ждала - придёт Вадим к ней и надо ей тоже будет решать.

— Но Вадим не пришёл.

— Вернулся к Марье, выбрал всё-таки Тарасика. Коренькова переживала сильно и простить ему этого долго не могла. А потом простила всё же. На мой взгляд. Точнее, смирилась.

— Иванов же с Марьей и до сих пор живёт. И вроде нормально. Дочка у них ещё появилась, Шурой назвали. После рождения дочки Марья в обсерваторию не вернулась, а Нина по-прежнему работает под прямым началом Вадима и работает с тем же энтузиазмом, который всегда раздражал её мужа. Иванов какое-то время старался держаться от неё подальше, хоть и тяжело ему это было. Потом всё утряслось. Более или менее.

— Кореньков, похоже, прочувствовал, что его семейное благополучие повисло на ниточке. Ходил грустный. А тут ещё с диссертацией заботы. С предзащитой ему не повезло. Был назначен её срок, мы с ним приехали в ИЗМИРАН, на секцию учёного совета, плакаты привезли, Саенко с нами поехал поболеть за братца своего троюродного. Диссертация Коренькова стояла четвёртым вопросом в повестке дня, а Лобачевский, председатель секции, затянул обсуждение первых вопросов настолько, что на слушание Коренькова времени почти не осталось, и Лобачевский безжалостно перенёс обсуждение его работы на следующее заседание, которое должно было состояться через месяц. Расстроились мы все, конечно, а что поделаешь? Так и вернулись ни с чем в Калининград. Ну, а через месяц поехали снова, и в этот раз всё прошло благополучно. Выступил Юра хорошо, рекомендовали его к защите и поставили на очередь, согласно которой он должен был проскочить до лета.

А в это время заварилась очередная каша в университете. Ещё к ноябрю прошлого года мы с Серёжей подготовили все бумаги для заключения договора между ИЗМИРАН и кафедрой теоретической физики КГУ на 1979-80 гг. о выполнении темы "Разработка элементов теории диагностики и прогнозирования состояния ионосферы", а именно: сам договор, техническое задание (на выполнение НИР (ТЗ)), календарный план, технико-экономическое обоснование, смету (на 300 тыс. р. за 2 года), план командировок. Все эти бумаги были завизированы финансово-экономическими деятелями университета, подписаны 2-го ноября 1978 г. ректором КГУ Медведевым, а 20-го ноября - зам. директора ИЗМИРАН Лобачевским. Во всех этих бумагах научным руководителем темы фигурировал зав. кафедрой теоретической физики КГУ Николай Алексеевич Корнеев.

Всё оформление бумаг было проведено вовремя, и мы преспокойно ожидали открытия темы с 1-го января 1979 г. На эту тему автоматически переводились все

работавшие ранее у Латышева, то есть бывшие гостремовцы, за исключением преданных Косте его собутыльников - Бобарыкина и Медведева и группы Пахотина, имевшей свой отдельный договор с ИЗМИРАНОм. Костя с этим смирился, поскольку будучи теперь завкафедрой на математическом факультете, он не мог возглавлять тему, содержащую экспериментальные исследования и конструкторские разработки, точнее, не хотел иметь этот чужеродный и раньше, а теперь тем более, экспериментальный довесок к математическому моделированию.

—И вот сразу после Нового года среди сотрудников темы пронёсся слух, что ректор тему открывать не торопится, что якобы к нему ходили Брюханов и Гречишкин и потребовали, чтобы тему открывали под научным руководством кого-нибудь из них, в крайнем случае - Никитина, но ни в коем случае не на кафедре теорфизики.

—Слух этот вскоре подтвердился. Всё было именно так. Истинные мотивы Брюханова и Гречишкина были простыми и ясными - 300 000 р. - по тем временам огромный в масштабах Калининградского университета кусок, от которого грешно было не попытаться урвать и уж во всяком случае не допустить, чтобы он полностью достался ненавистной кафедре теоретической физики.

—Формальной же зацепкой для них было то, что тема, мол, в большой своей части экспериментальная и радиофизическая, а они как раз и есть самые крупные в университете специалисты - доктора наук, профессора! - по экспериментальной физике (на самом деле по узкому разделу теплофизики - Брюханов) и радиофизике (правда, квантовой и к ионосфере никакого отношения не имеющей - Гречишкин), а такую большую и важную тему просто нельзя поручать этим безответственным разгильдиям с кафедры теорфизики. Уж лучше, в крайнем случае, Никитина поставить, тот всё-таки специалист по геофизике (и договориться с ним всегда можно).

—Такое отношение декана факультета Брюханова к теоркафедре было вполне объяснимо. Ещё свежи были воспоминания об отчаянной борьбе против избрания Брюханова на должность декана, которую вели на факультете кафедры Кочемировского и Корнеева, потерпевшие в итоге поражение. Самый активный в этой борьбе - Лёша Кочемировский добился своей активностью только того, что восстановил против себя ректорат и самого ректора и в результате сначала не был переизбран на должность завкафедрой (на заседании Учёного совета КГУ, возглавляемого ректором и во всём за ним следующего), а затем (прошлым летом) и вовсе был вынужден уйти из университета, которому отдал столько лет и сил. Уехал в Харьков, в Политехнический институт. Незадолго до этого Лена ему дочку родила (почти через 20 лет после сына!) и пришлось им с малышкой полностью переустраивать свою жизнь, и в это же время Лена защищала кандидатскую диссертацию, а Лёша готовил докторскую... Весело им было.

—Вторым в этой эпопее пострадал ближайший сподвижник Кочемировского - Серёжа Лебле - не прошёл по конкурсу на должность доцента. Остальные все, естественно, затихли. Брюханов торжествовал. Гречишкин, его поддерживавший, был избран секретарём партбюро факультета (на его прошлые "грешки" закрыли глаза как и на брюхановскую судимость). Исполняющим обязанности кафедры общей физики вместо Кочемировского был назначен... Миша Никитин, которого Кочемировский в своё время пригрозил у себя на кафедре в расчёте нейтрализовать его таким образом.

—Разумеется, мы с Ивановым решили вмешаться и попытаться сохранить руководство темой за теоркафедрой - как-никак заказчики мы всё же. Связались сначала с Кубаровским (начальником НИС КГУ), потом с проректором по научной работе - Осиповым Борисом Сергеевичем. Упирали на то, что все бумаги уже согласованы и подписаны, все переговоры велись с кафедрой теорфизики, на неё именно мы и рассчитывали, её сотрудники уже показали себя, работая на теме у Латышева, именно их разработки нас интересуют, Брюханова, Гречишкина и Никитина мы хорошо знаем и в их услугах не нуждаемся. Что же касается небольшой группы экспериментаторов и

разработчиков, то она успешно работает под непосредственным руководством Иванова и Саенко.

—Кубаровский и Осипов слушали нас вполне сочувственно, но разводили руками: мол, ректор склонен прислушаться к мнению декана факультета и крупнейшего его учёного - профессора Гречишкина. Тогда мы попросили встречи у ректора. Он согласился. Мы надеялись неформально, по-человечески разъяснить ему ситуацию. Но ему, как оказалось, наши разъяснения были не нужны и согласился он нас принять лишь для того, чтобы создать видимость обсуждения вопроса.

—Неожиданно для нас он пригласил к себе одновременно с нами Брюханова, Гречишкина, Кубаровского, Осипова, Корнеева и Никитина - всех заинтересованных лиц, чтобы тут же с делом покончить. Никитин, кстати, перед этим подбежал ко мне уведомить, что ректор предлагал ему научное руководство темой, но он, зная, что я буду против, отказался якобы - мол, как же я буду против желания заказчика руководить!

—Первым ректор предложил выступить Гречишкину. Тот тихим и нудным голосом, избегая смотреть в глаза, просветил нас с Ивановым, что тема наша, мол, относится к распространению радиоволн (?), поэтому она радиофизическая и экспериментальная, а на факультете специалисты по радиофизике и эксперименту отнюдь не на кафедре теоретической физики, а на других кафедрах, да будет нам это известно. На кафедре же теоретической физики никто и никогда физикой ионосферы не занимался (можно подумать, что он и Брюханов занимались!). О солитоне, про который говорят теоретики, он может наверняка сказать, что вероятность найти его равна нулю. За такие находки государственные премии дают, а они вам обещают ... несерьёзно! К тому же аналогичные работы в университете ведут Латышев, Никитин, Пахотин, получается дублирование. Он предлагает объединить все эти работы под эгидой межфакультетской лаборатории по распространению радиоволн и поставить во главе их Никитина.

—Затем ректор попросил высказаться Брюханова.

—Тот начал с того, что высказал недоумение, почему представители заказчика ни разу не встречались с ним - деканом факультета, его хозяином, так сказать.

—Тут ректор встрял: - Да, да, мы сейчас боремся за повышение роли деканов во всех факультетских делах, в том числе и в научных. Олег Николаевич прав. Надо было с ним посоветоваться.

—Затем Брюханов выразил сомнение в принципиальной возможности аналитического моделирования ионосферы, за которое берутся теоретики и пояснил нам и ректору, что основная тяжесть работы, по его мнению, ложится на эксперимент. Всю остальную часть своего выступления он посвятил просто охаиванию кафедры теорфизики (это декан факультета!). Мол, какой они только ерундой не занимались, вылов рыбы прогнозировали, ещё чего-то и нигде ничего путного не сделали.

—Далее Никитин пробормотал какие-то слова насчёт того, что задача комплексная.

—Корнеев угрюмо молчал. Он, похоже, смирился и ни на что не надеялся.

—Я попробовал потрепыхаться, сдерживая по мере возможности эмоции, и высказал нашу с Ивановым точку зрения:

—- Работы, которые ведутся на кафедре теоретической физики, давно привлекают наше внимание. Они актуальны вообще и находятся в русле наших интересов, поскольку касаются перспективного направления гидродинамики - теории нелинейных волн, проявления которых в ионосфере нас очень интересуют. Мы давно поддерживаем контакты с сотрудниками кафедры, некоторые из них уже работали у нас на теме, и мы имели возможность проверить их в деле. Более двух лет уже действует Договор о сотрудничестве между нашей обсерваторией и кафедрой теоретической физики. В соответствии с ним мы заключили теперь и хоздоговор, о котором сегодня идёт речь. Как принято в практике системы Академии Наук, всю подготовительную работу по составлению договора мы вели совместно с конкретными исполнителями темы, в частности, с кандидатами наук Лебле и Корнеевым, (которые проявили большой интерес к

нашим задачам). К Олегу Николаевичу мы не обращались по той простой причине, что, когда готовилась документация по договору, он ещё не был избран на должность декана. Научный потенциал сотрудников кафедры теорфизики нам хорошо известен и нас вполне устраивает. Что же касается Михаила Анатольевича Никитина, то он тоже наш старый знакомый, но проявил себя в отношениях с нами не лучшим образом и, как научный руководитель темы, для нас нежелателен.

—Иванов добавил:

—- Мы придаём большое значение человеческим взаимоотношениям между нашими коллективами: обсерваторией и университетом. Опыт нашего восьмилетнего сотрудничества, накопленный ещё со времён Рунара Викторовича Гострема, показывает, что характер этих взаимоотношений накладывает сильный отпечаток и на результаты научной работы. С кафедрой теоретической физики у нас отношения хорошие, и мы хотели бы их сохранить и углубить. Что же касается экспериментальной части темы, то она небольшая и не требует какого-либо специального руководства, поскольку выполняется под непосредственным нашим контролем.

—Однако наши слова не произвели на ректора никакого впечатления. Похоже было, что слушал нас он исключительно из вежливости, ибо, не задавая нам никаких вопросов, он хладнокровно подвёл итог "прениям" - всё это, мол, хорошо, но мы считаем целесообразным назначить научным руководителем темы не Корнеева, а Никитина. Мы попытались оставить себе лазейку:

—- Хорошо, мы доложим о Вашем мнении нашему руководству в ИЗМИРАНе.

—На том и расстались.

—Неудача нашего визита к ректору повергла в уныние сотрудников темы: работать под руководством Никитина не улыбалось никому, а уж особенно, скажем, Лёнке Захарову. Он со Смертиным и Лида Нацвалян требовали, чтобы мы с Ивановым немедленно начали действовать через Лобачевского, упростили бы его надавить на ректора, тем более, что Лобачевский сам знает Никитина.

—Я поехал в Москву - как раз надо было на секцию, разъяснил ситуацию Лобачевскому и попросил его подписать подготовленное нами заранее письмо к ректору, в котором ИЗМИРАН настаивал на соблюдении буквы договора и назначении Корнеева научным руководителем темы, каким он в тексте договора и фигурировал.

—Лобачевский велел мне письмо переделать и составить его не в требовательных, а просительных тонах со ссылкой на установившиеся хорошие взаимоотношения между коллективами. Вот это письмо в редакции Лобачевского:

Ректору КГУ
профессору МЕДВЕДЕВУ Н.А.

Об обеспечении выполнения
хоздоговорной НИР

Глубокоуважаемый Николай Андреевич!

—Руководство ИЗМИРАН придаёт большое значение теоретическим работам в области физического моделирования процессов в околоземном пространстве. Наиболее актуальным и перспективным направлением, которое ИЗМИРАН предполагает развивать и в дальнейшем, является теоретическое исследование нелинейных уединённых возбуждений в газообразных средах. Начиная с 1977 г., по этому направлению осуществляется плодотворное научное сотрудничество коллективов КМИО ИЗМИРАН и кафедры теоретической физики Вашего университета в рамках Договора о сотрудничестве и хоздоговора, выполняемого по постановлению Правительства. В течение этого времени

между названными коллективами сложились хорошие взаимоотношения, во многом способствующие успешному проведению научных исследований.

— В целях поддержки этого сотрудничества и для успешного выполнения хоздоговорной НИР № 182 руководство ИЗМИРАН просит Вас поручить научное руководство темой "Разработка элементов теории диагностики и прогнозирования состояния ионосферы" заведующему кафедрой теоретической физики Вашего университета доценту Корнееву Н.А.

_____
Зам. директора ИЗМИРАН

_____
к.т.н. ЛОБАЧЕВСКИЙ Л.А.

16 января 1979 г.

Мне Лобачевский сказал:

- Не дразните гусей. Не заставляйте ректора восклицать: "Царь я или не царь?!" В конечном итоге, это его дело - расставлять свои кадры. Постарайтесь всё уладить мирно.

Но и письмо Лобачевского не помогло. Ректор ответил на него следующим:

— Ректорат КГУ рассмотрел Ваше предложение о проведении научных исследований по хоздоговорной теме № 182 коллективом кафедры теоретической физики под руководством зав. кафедрой доцента Н.А. Корнеева.

— Мы считаем, что проведение этой важнейшей научно-исследовательской работы... целесообразно возложить не на одну кафедру, а на физический факультет в целом под руководством старшего преподавателя к.ф.-м.н. М.А. Никитина, который на протяжении целого ряда лет проводил исследования в области физического моделирования процессов в околоземном пространстве и способен возглавить коллектив преподавателей и штатных сотрудников НИСа в выполнении планируемых задач на современном уровне.

_____
Ректор

_____
профессор Н.А. МЕДВЕДЕВ

— Вот так, спасая тему от руководства нерадивого Латышева, отдали её и вовсе нечистоплотному Никитину. Результат, конечно, совершенно неожиданный, но тем не менее имеющий место быть.

— Мы с Серёжей решили, что продолжать бороться с Никитиным прямо в лоб - сейчас бесполезно, если не вредно. Надо дать ему поруководить, пусть проявит себя во всей красе. Но не спускать с него глаз и фиксировать все его промахи, завести кондуит на него.

— Ему самому я заявил:

— - Миша, ты, конечно, понимаешь, насколько мы все "рады" твоему назначению. Связываться с тобой я лично вовсе не горю желанием, но если ты попробуешь идти поперёк коллектива и будешь мешать нам работать, то - пожалеешь, это я тебе гарантирую. Если же вмешиваться не в свои дела не будешь, то обещаю, что и мы тебя трогать не будем.

— Миша, разумеется, заюлил:

— - Да что ты, Саша. Я сам как кур во щи влип, у меня своих дел достаточно. Я надеюсь, мы обо всём договоримся.

— Пока же результатом принятых ректоратом мер по "выполнению планируемых задач на современном уровне" было лишь то, что весь январь тема не была открыта, сотрудникам темы не выплачивали зарплату, никто, разумеется, не мог поехать в Вильнюс считать на машине, что особенно выводило из себя Смертина и Лёньку, то есть весь январь работа практически стояла, а сотрудники психовали и митинговали по углам.

— В конце января, однако, всё, наконец, утряслось, нисовцы и штатные преподаватели теоркафедры приступили к работе над темой под научным руководством Никитина,

который прибегал ко мне согласовывать каждую бумажку и всем своим видом демонстрировал полнейшую лояльность.

(продолжение следует)

[Главная страница](#)

[Путеводитель по "Запискам рыбака-любителя"](#)